

КАЗАХСКИЙ

гранат

альманах

Ка

Коллектив авторов
Ахат Хаевич Мушинский
Казанский альманах. Гранат

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42193958

Казанский альманах : Гранат / [сост. и ответ. ред. А. Мушинский]:

Татарское книжное издательство; Казань; 2017

ISBN 978-5-298-03542-2

Аннотация

«Казанский альманах» – сборник, включающий стихи, прозу, очерки, художественные переводы русскоязычных авторов Казани и Татарской республики.

Содержание

Евгений Евтушенко.	5
Камень влюблённых – гранат	8
Ольга Иванова.	16
Часть IV	19
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Казанский альманах. Гранат

(составитель А. Мушинский)

© Татарское книжное издательство, 2017

© Мушинский А. Х., сост., 2017

* * *

время собирать камни...

Евгений Евтушенко.
Идут белые снеги
Классика

* * *

Идут белые снеги,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

Чьи-то души, бесследно
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли.

Идут белые снеги...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо.
Я не снег, не звезда.

И я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный, —
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
Всею кровью, хребтом —
её реки в разливе
и когда подо льдом,

дух её пятистенков,
дух её сосняков,
её Пушкина, Стеньку
и её стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно —
Для России я жил.

И надеждою маюсь —
полный тайных тревог, —
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет

про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда...

Идут белые снега,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я...

1965

О Евгении Евтушенко читайте: Эдуард Трескин «Евтушенко в гостях у казанского баритона в Праге»

Камень влюблённых – гранат

Старшее поколение хорошо помнит, а младшие легко могут найти в Инете один из первых доступных жителям СССР зарубежных фэнтезийных фильмов – «Привидения в замке Шпессарт». А вспомнилась мне эта немецкая комедия 1960 года по мотивам сказки Вильгельма Гауфа только потому, что название замка имеет прямое отношение к нашей сегодняшней теме. «Спессартин» («шпессартин») – так именуется один из популярных видов граната, обнаруженный когда-то именно в Баварии, близ местечка Шпессарт.

Обычно полагают, что гранат – камень красного цвета. Между тем существует четырнадцать его разновидностей. Вот самые распространённые: пироп (классический, огненно-красный), альмандин (красный, фиолетовый или коричневый), спессартин (красноватый, розовый и жёлто-бурый), андрадит (бурый, жёлтый и зеленовато-бурый), гроссуляр (светло-зелёный или зелёно-бурый), уваровит (изумрудно-зелёный); гессонит (оранжевый или медово-жёлтый). У всех разновидностей с зелёным оттенком имеется и общее имя – «оливин».

Слово «гранат» в переводе с латинского означает «зёрнам подобный». Но так называть камень стали лишь в XIII веке, до этого он у каждого народа именовался по-своему: у римлян, например, – «карбункул», на Руси – «вениса», «червец»

или «червчатый яхонт».

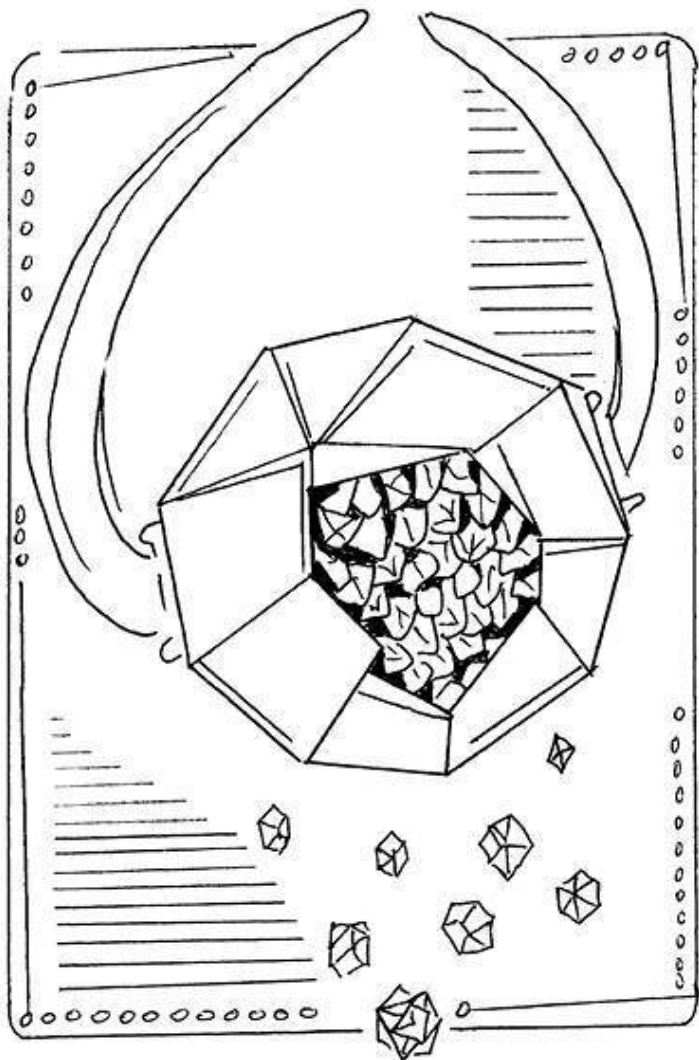
Гранат – не просто драгоценный или (в зависимости от вида) полудрагоценный камень. Он используется в качестве абразива, полупроводника, кристалла для лазера... Но более всего, разумеется, ему бывают рады ювелиры. Ещё в древности гравёры Рима, Греции, стран Востока создавали прекрасные гранатовые геммы – вырезали на поверхности отшлифованного камня изображения богов, портреты властителей или просто близких мастеру людей.

Гранату, как и другим драгоценным камням, с давних времён приписывали магические и лечебные свойства, что отражено во многих легендах. По Ветхому Завету, Ной во время потопа, чтобы не заблудиться в кромешной тьме, освещал себе дорогу огромным красным гранатом. А другая старинная история гласит, что у моря, вдалеке от людского взора, живёт женщина-змея (ехидна), во лбу которой горит кроваво-красный карбункул. Отправляясь купаться, она оставляет его на берегу. Смельчаку, который сумеет выкрасть камень, ехидна должна раскрыть тайны подземных кладов. Но сколько храбрецов ни пыталось похитить карбункул, никому не удалось уйти от его опасной хозяйки. Поэтому алмадин (а именно о нём идёт речь) так редок и дорог.

Подобно алой розе – «эмблеме любви» – красный гранат всегда считался камнем влюблённых; совершенно не случайна его роль в одном из самых знаменитых романтических произведений русской литературы – «Гранатовом браслете»

Куприна. Считается, что у этого камня сильная энергетика, он способствует сильным чувствам; и в их числе – вдохновению, важному для творческих людей: артистов, художников, музыкантов, писателей. Многие из них его высоко ценили. Известно, что Гёте подарил прекрасный гранатовый гарнитур – ожерелье, брошь, серьги, два браслета и кольцо – Теодоре Ульрике Софии фон Леветцов, в которую был влюблён; на гарнитур ушло 460 гранатов. А великий чешский композитор Сметана ещё раз признался в любви своей жене – после многих прожитых вместе счастливых лет – с помощью ожерелья из крупных гранатов.

Что касается лечебных качеств, то уже в эпоху крестовых походов он считался защитой от болезней и ранений, и на пальце рыцаря часто можно было встретить перстень с гранатом. Славяне верили, что самоцвет помогает роженицам и страдающим бесплодием женщинам, а индусы – что он поддерживает иммунитет. В средневековой Европе это был мужской камень, оберег и исцелитель ран. К нашим же дням образовался солидный список «показаний» к ношению украшений из граната: повышенная температура, воспалительные процессы, аллергия, головная боль, кожные, желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые, лёгочные заболевания, а также стрессы и депрессии.

Нельзя сказать, что среди литераторов – особенно среди поэтов – гранат был столь же популярен, как алмаз или жемчуг. Что отчасти объясняется наличием «конкурентов», сходных с гранатом по внешним признакам, – например, рубина, с которым губы возлюбленной древние стихотворцы обыкновенно и сравнивали. А слово «гранат» если и появлялось в их стихах, то, как правило, означало дерево, от плодов и зёрен коего камень получил своё имя. Тем не менее в восточной поэзии гранату тоже нашлось место – как ясной метафоре. Вот Омар Хайям:

Я – словно старый дуб, что бурей разбит;
Увял и пожелтел гранат моих ланит.
Всё естество моё – колонны, стены, кровля,—
Развалиною став, о смерти говорит.

(Перевод О. Румера)

Вот средневековый арабский поэт ас-Саиаубари.

Посмотри: дугою льётся охлаждённое вино,
Словно жертвенная кровь, шипит и пенится оно,
Влажный блеск его родился в самом сердце самоцветов,
Не вино – гранат расплавленный с водою заодно!

(Перевод С. Ахметова)

Что касается прозы, то гранат не раз упоминается – правда, под псевдонимом «яхонт» (этим понятием раньше объединяли гранат и рубин) – и в «Тысяче и одной ночи» (как свидетельствуют Аладдин, Али-Баба и Синдбад-мореход), и в романе В. фон Эшенбаха «Парцифаль», и в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Ф. Рабле, и в рассказах о Холмсе («Голубой карбункул», «Знак четырёх») А. Конан Дойла, и в сказках и «Портрете Дориана Грея» О. Уайльда. В русской литературе – в «Вешних водах» И. Тургенева, рассказах Н. Лескова, поэзии В. Майкова, И. Дмитриева. И, кстати, у уже упоминавшегося Куприна в повести-легенде о любви простой девушки и царя Соломона «Суламифь», где гранат носит старинное имя «анфракс».

Суламифь заслушивалась его, когда он рассказывал ей о внутренней природе камней, о их волшебных свойствах и таинственных значениях. «Вот анфракс, священный камень земли Офир (легендарная библейская страна, богатая драгоценностями. – Ред.), – говорил царь. – Он горяч и влажен. Погляди, он красен, как кровь, как вечерняя заря, как распустившийся цвет граната, как густое вино из виноградников энгедских, как твои губы, моя Суламифь, как твои губы утром, после ночи любви. Это камень любви, гнева и крови. На руке человека, томящегося в лихорадке или опьянённого желанием, он становится теплее и горит красным пламенем. Надень его на руку, моя возлюбленная, и ты увидишь, как

он загорится. Если его растолочь в порошок и принимать с водой, он даёт румянец лицу, успокаивает желудок и веселит душу. Носящий его приобретает власть над людьми. Он врачет сердце, мозг и память...»

И в заключение – сонет португальца Камоэнса, высоко ценимого Пушкиным и, судя по тексту, знавшего толк в камнях. (Поясним, что фольгу, упоминаемую поэтом, подкладывали под гранат, чтобы усилить его сияние).

О нимфа, неприступна и строга,
Ты словно вся из камня и металла:
В копне волос, что золотом упала
На мрамор лба, как солнце на снега,

В рубинах рта, где зубы – жемчуга,
В смарагдах дивных глаз, в горящих ало
Гранатах щёк – холодный блеск кристалла,
Бездушность глыбы, мёртвая фольга.

Рука – слоновой кости. В стройной шее
На алебастре высвечены вены —
Лиловый плющ, что в извести увяз.
Ты вся из камня. И всего страшнее,

В тебя влюбившись, осознать мгновенно,
Что это сердце твёрже, чем алмаз.

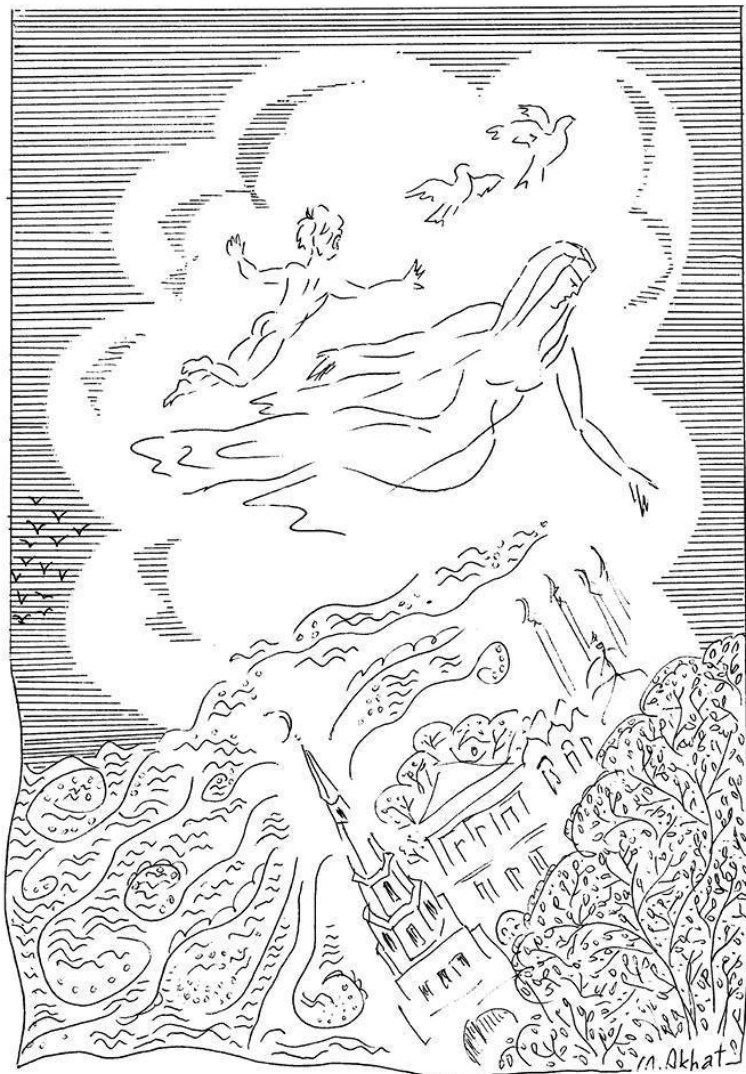
(Перевод В. Резниченко)

Камень влюблённых – гранат

Продолжение темы: А. Куприн «А все-таки «Гранатовый браслет» – был».

Ольга Иванова.
Сююмбика
Главы из романа

к 500-летию казанской царицы Сююмбеки

A. Akhat

Продолжаем публиковать отрывки из трилогии Ольги Ивановой «Повелительницы Казани». В предыдущих выпусках мы давали главы из романов «Нурсолтан» и «Гаухаршад». Сегодня знакомим читателя с главной героиней третьей книги – «Сююмбика»

Часть IV

Глава 11

ДЖИЕН пришёл в Казань в солнечный пятничный день. Любимый праздник ждали с нетерпением, столица уже накануне переполнилась гостями, прибывшими издалека. Ближние родственники казанцев, проживавшие в окрестных селениях, съезжались поутру. По улочкам и слободам разносился весёлый скрип деревянных колёс, кони, украшенные яркими лентами, тащили арбы и подводы, позванивая вплетёнными в густые гривы колокольчиками. В повозках чинно восседали нарядные мужчины и женщины. Рядом дети, словно воробышки, щебетали и крутили головами, им никак не сиделось на месте. Молодые снохи не могли сдержать радостных улыбок, поглядывали по сторонам, узнавая родные места, но не забывали следить за корзинами с угощением. А в корзинах завёрнутые в вышитые полотенца пышные лепёшки, пироги со сладкой начинкой, тушки вяленых гусей, истекавший мёдом бавырсак. Готовились угощения женщинами загодя, и везли их снохи в родительский дом, откуда ушли совсем недавно. Шла их семейная жизнь в соседних аулах и даругах, но везли они к родному порогу сладкую выпечку, что говорила сама за себя: «Хорошо мне живётся с

избранным мужем, сладок сон в приветливом доме, храним Всевышним мой покой».

В слободах слышался оживлённый говор, широко распахивались ворота для дорогих гостей, и приветствия звучали отовсюду. В домах сородичей ожидали накрытые дастарханы, девушки выносили тазы и кумганы с водой, предлагали освежиться с дороги, смыть пыль и усталость от долгого сидения в арбе.

Ещё до полуденного моления народ повалил на Ханский луг. Гости из аулов устраивались на траве, расстилали ска-терти со снедью. Степняки из Ногаев и хаджитарханских земель выделялись шатрами, составленными в круг. Внутри круга выстилали белый войлок, рассаживали всех представителей рода от мала до велика.

Сююмбика-ханум в окружении свиты проходила меж радующихся, принаряженных людей. Тут и там встречались давно не видевшие друг друга родственники. Старики обнимались, вытирали скупые слёзы, зрелые мужчины сдерживались, степенно кивали, в знак приветствия одобрительно похлопывали друг друга по плечу. А женщины хвалились детьми, вылавливали их по одному из шумных, с визгом носящихся по поляне ватаг. Казанскую ханум узнавали повсюду, кланялись ей. Старейшины рода почитали госпожу радужными приветствиями, их подхватывали десятки голосов. Перед каждым кругом Сююмбика останавливалась, прижимала руки к груди и приветствовала кого почтительным кив-

ком, а кого доброжелательной улыбкой и гостеприимными словами. Бунчук ногайского рода, который вёл корни от легендарного Идегея, ханум заметила издалека. С лёгким волнением вошла Сююмбика в круг близких ей по крови ногайцев, низко поклонилась, так что на голове качнулся высокий калфак, расшитый золотом и жемчугами. Навстречу поднялся старейший мурза Байтеряк и протянул госпоже традиционную чашу с кумысом. Эта древняя деревянная чаша с неровными, будто обгрызенными краями хранилась в роду, как самая ценная реликвия. По преданию из неё пил сам Идегей. С суеверным трепетом Сююмбика приняла чашу, приникла губами к почерневшему от времени дереву, ощутила знакомый кислотовато-жгучий вкус ногайского кумыса. Не пила она никогда напитка более желанного и вкусного, и старая эта чаша, овеянная славой легенд, придавала привычному кумысу вкус волшебный и пьянящий. Дочь Юсуфа пила и не могла насладиться вдосталь.

А впереди уже раздавались громогласные призывы, глашатаи собирали борцов и зрителей на борьбу курэш:

– Курэш! Начинается битва сильнейших батыров!

– Спешите на майдан!

Казанская госпожа поторопилась в ханский шатёр, но в роскошном пристанище повелителя нашла лишь жён и детей Сафы. Она опустила на ковёр к щедрому дастархану, приняла из рук аякчи¹ кубок с вишнёвым шербетом, незаметно

---

¹ Аякчи – прислужник, раздающий напитки, виночерпий

склонилась к оказавшейся рядом хатун:

– Фируза-бика, повелитель не появлялся?

Младшая жена покачала головой:

– Говорят, отправился с крымцами на охоту.

– Это в Джиен?! – изумилась Сююмбика. – Кто же будет вручать призы лучшим батырам и джигитам?

Ей уже не сиделось в шатре, до беспечного ли времяпровождения, когда царственный супруг презрел любимейшее у казанцев празднество. Она хотела поспешить в Кабан-Сарай, где Сафа-Гирей предавался азартной охоте. Думала броситься в ноги властительному супругу и умолять не оскорблять казанцев и их гостей своим отсутствием. На берегу гарем повелителя ожидал роскошный струг с беседкой из стеклянных витражей, ханум думала отправиться к охотничьей резиденции на нём, но увидела скачущих всадников. Впереди, погоняя белоснежного жеребца камчой, мчался Сафа-Гирей. Она издали сердцем угадала любимого. Хан, как влитой, сидел на великолепном скакуне, и сам он был красив, словно Юсуф из обожаемой ею поэмы. Сююмбика прижала руки к груди, она безмолвно наблюдала, как повелитель спрыгнул с коня, бросил поводья нукеру, взглянул в её сторону, но не подошёл, только коротко кивнул в знак приветствия. Глаза ханум налились невольными слезами, но она не позволила им пролиться, лишь смотрела вслед Сафа-Гирею и его крымцам, быстро исчезающим в праздной толпе. Необъяснимое отчуждение, разлучавшее супругов в последние дни, не ис-

чезло, а Сююмбика так надеялась, что прекрасный праздник вновь сблизит их, рассеет чёрные тени, которые нависли над ними. Она не позволила себе предаваться печали, статус старшей госпожи призывал оставаться хозяйкой Джиена, и Сююмбика, скрепив сердце, отправилась на курэш.

Бек Тенгри-Кул раскинул свой шатёр неподалёку от майдана. Айнур склонила голову, чтобы не задеть высоким головным убором полог, и выбралась на поляну. Её кайната², ханский улу-ильчи³ Тенгри-Кул, и супруг, мурза Данияр, разглядывали жеребца в окружении любопытных зевак. Бек выставял красавца-ахалтекинца на скачки, и Айнур задержалась полюбоваться конём. Великолепного этого скакуна привезли из далёких пустынь, где проживало племя огузов-теке⁴. Издавна через их барханные земли проходили караванные пути, и семя древних бактрийских лошадей, жеребцов персидских, ассирийских и египетских земель приращивалось к благородной крови аргамака. Всё лучшее вобрал ахалтекинец в себя, стал он гибок, быстр, вынослив, резв и благороден. Айнур была рада, что беку удалось приобрести для скачек этого жеребца, а иначе её супруг собирался участвовать в состязании на гнедом карабахе. Горбоносый горячий скакун пугал нежную жену мурзы, и не раз

---

² Кайната (тат.) – свекр

³ Улу-ильчи – глава дипломатического корпуса

⁴ Огузы из племени теке – туркмены-текинцы

она вспоминала, какая молва ходит о карабах: «Кто едет на горбоносом коне – идёт в открытую могилу». От скакуна внимание Айнур отвлек вездесущий Хайдар. Братишка слышал призывы на курэш, затянул потуже кушак и устремился к майдану. Айнур на ходу перехватила мальчика:

– Подожди меня.

Хайдар с видом мужского превосходства покосился на сестру:

– Не дело женщины смотреть на мужчин, оставайся с ребёнком.

Айнур засмеялась, потянула сорванца за ухо.

– Мой сыночек спит, и за ним смотрят няньки. А ты ответишь за свою дерзость!

Хайдар неуловимым движением вывернулся, споро поднырнул под руку сестры и был таков. А Айнур, забыв о своём положении, как девчонка, бросилась вслед за ним и налетела на важного вельможу. Смеясь, она поправила сбившийся калфак, но слова извинения замерли на устах. Айнур побледнела, обмерла, но никак не могла оторвать взгляда от сузившихся глаз Мухаммад-бека. Он узнал её сразу, и напрасно молодая женщина поторопилась прикрыть покрывалом пухлые губы и точёный подбородок. Быстрым взглядом бек окинул богатые одежды Айнур, поймал за руку и зашептал с жаром:

– Вот где ты укрылась от меня, желанная! Но я доберусь до тебя, от Мухаммад-бека никто не спрячется, даже за порогом

знатности и могущества...

Она вырвалась, бросилась к шатру и укрылась за пологом, пытаясь унять стук рвавшегося из груди сердечка. В шёлковой обители царил покой, нянька покачивала расписную зыбку, ласково напевала колыбельную. Даже с порога Айнур была видна тёмная головка сына Акморзы. Мальчик родился полгода назад, и уже сейчас бек Тенгри-Кул называл его продолжателем славного древнего рода. С тех пор, как Айнур поселилась в доме улу-ильчи, она позабыла о страшившем её Мухаммад-беке. Тенгри-Кулу удалось отбить семью Айнур от нукеров влиятельного сановника и укрыть в своём поместье. Только недавно они вернулись в Казань, посчитали, что опасность миновала. А оказалось, беда не ушла, она выжидала, ходила кругами и вот настигла беспечную жертву. Айнур всхлипнула. Она не знала, как поведает о случившемся мужу, но сказать следовало. А может, стоило вновь укрыться в поместье улу-ильчи от вездесущего волчьего взора могущественного похитителя? Айнур более не рискнула покинуть шёлковое пристанище, так и сидела у колыбели сына, грустила и предавалась печальным мыслям. А за пляшущими на ветру стенами шатра уже начиналось состязание батыров.

Под улюлюканье толпы на майдан вышло полсотни пар. В одних шароварах с обнажёнными мускулистыми торсами борцы, пригнувшись и зажимая в руках широкие пояса, двинулись друг к другу. Зрители восторженно закричали, замахали руками, они торопились поддержать своих любимцев,

выказать им свою поддержку. Первая схватка была яростной, но недолгой. Победители остались в кругу, побеждённые отошли в сторону. Ещё схватка – и опять круг сузился наполовину, выпуская с майдана побеждённых. Не прошло и часа, как в кругу остались два борца – казанский воин Корычтимер и ногаец Айтуган-батыр. Борцы долго примерялись друг к другу, ходили по кругу, делали молниеносные, обманные броски и тут же отскакивали. Толпа, не в силах сдерживаться, оглушительно свистела и редела. Наконец терпения не хватило у степняка, Айтуган ринулся на казанца и сжал его в страшных объятиях крепкого пояса. Синими буграми вздулись жилы на шее батыра, пот катился крупными горошинами по лицу и спине. Казалось, победа ногайца совсем близка, но никто и не понял, как, словно скользкий угорь, вырвался из объятий Айтугана Корычтимер. Молниеносный бросок – и ногаец на спине. Толпа взорвалась криками, даже голосистые карнаи не могли перекрыть восторгов казанцев и разочарований кочевников.

А вдали уже призывно забили барабаны, глашатаи бросили в небо резкие призывы, начались скачки, и народ зазывали на главное развлечение Джиена...

Глава 12

Казанская ханум вернулась во дворец одна, повелитель после скачек вновь отправился в Кабан-Сарай. Сююмбаика

подошла к распахнутому окну. Буйствующий в летнем цветении сад зазывал прохладой тенистых беседок, манил каменными тропами, теряющимися в таинственных поворотах. Где-то там, в густой зелени лиан, притаился грот, созданный искусными руками зодчего из земель ляшских. Сафа-Гирей лично следил за созданием тайного уголка, чтобы однажды поразить свою любимую.

Сююмбика прикрыла глаза, как же явственно ей вспомнился тот вечер, когда гаремный ага принёс госпоже изысканное приглашение. Разлука была невыносимо долгой, Сафа-Гирей с весны уехал с инспекцией по даругам, а по прибытии зазвал ханум в ночной сад. Мечтавший поразить любимую, хан был неистощим на выдумки, и она, едва нога ступила на садовую дорожку, услышала печальную, завораживающую музыку флейты. Огоньки разноцветными светлячками указывали путь к гроту, и женщина отправилась по нему, едва удерживая трепет от предвкушения встречи с супругом.

– Любимый, – шептала она, – как же я соскучилась, любимый мой.

Ханум всё убыстряла шаг, пока не увидела грот, расцвеченный китайскими фонариками. А флейта не утихала, плакала и зазывала. Она огорчилась, увидев сквозь кисею занавеси лишь одного флейтиста, в гроте, кроме музыканта, не было никого. Должно быть, она слишком торопилась на встречу, на которую повелитель вовсе не спешил. Сююмби-

ка замешкалась на входе, но ага низко поклонился и откинул кисею, приглашая госпожу войти. Уют каменному гроту придавал горящий камин, непривычный для восточного глаза, и раскиданные по полу шкуры, мягкие с длинным ворсом, удивили ханум. Здесь не было ничего знакомого, обыденного для дворцового быта, только облик флейтиста в накрученной чалме напоминал, что Сююмбика находится в ханском саду, а не в заморской стране. Музыкант опустил флейту, склонил голову, она не смотрела на него, а он вдруг заговорил низким, чувственным голосом:

Сто тысяч раз кинжал любви
    полосовал мне тело,
Разлука бросила в шипы,
    в сто тысяч ран одеда.
Но даже и среди шипов, тебя благословляя,
О нежном аромате роз влюблённо
    сердце пело.

Сююмбика в гневе свела брови, хотела оборвать дерзкого, а встретила со смеющимися глазами мужа. Он откинул флейту и подхватил её, бросившуюся к нему, на руки:

– Накажи несчастного влюблённого, повелительница!
Брось его сердце в огонь этого очага, спали дотла его душу,
но дай, Сююм, насладиться сладостью твоих губ...

Сююмбика вздохнула. Та встреча случилась в начале лета, сейчас же летняя пора катилась к закату, но не успели остыть

в памяти ханум горячие ласки мужа в том созданном по воле любви гроте. Минуло лишь два месяца, а Сафа перестал смотреть в её сторону. Ханум предприняла тайное расследование, допросила евнухов, прислужниц и не нашла за словами слуг счастливой соперницы. Женщины на ложе господине не задерживались подолгу, повелитель никого из них не выделял. Оставалась лишь одна соперница – власть, которую Гирей так боялся потерять. Только этим могла объяснить ханум внезапное охлаждение супруга. Повелителю, опасавшемуся смут и переворота, стало не до любовных встреч. Госпожа не ведала, как оказалась близка в догадках об истинной причине отстранённости Сафа-Гирея, и как прав был хан, который угадывал за льстивостью казанских вельмож вероломство созревающего заговора.

Управляющего тайными делами Мухаммад-бека томили раздумья. И беспокоили его не только мысли об участии в готовящемся перевороте, подумывал он о незавершённом деле, которое не давало спокойно спать. Не раз высокая должность бека позволяла проделывать тёмные и незаконные делишки. Он укрывал их за высокопарными словами «сделано во имя интересов великого ханства». Царедворец умело расправлялся со своими личными врагами, присваивал их имущество и пополнял собственную казну крупными взятками и незаконно отнятым товаром у бесправных купцов. Кто мог перечить блистательному Мухаммад-беку, которому покро-

вительство сам улу-карачи Булат-Ширин, и кто посмел бы противиться, рискуя быть обвинённым в соглядатайстве и измене Казанскому ханству? Бек изошрённо продумывал любую интригу. В его остром изворотливом уме рождалась стройная цепь действий, никогда не дающая сбоев. Он мог с лёгкостью прижать богатого торговца и разорить захолустного мурзу. Но сейчас перед ним стоял враг, который не уступал Мухаммад-беку ни в знатности рода, ни в могуществе, ни в своём влиянии на повелителя. Светлейший улу-ильчи Тенгри-Кул осмелился бросить вызов беку, когда увёл у него добычу, а управляющий тайными делами давно считал её своей. Больше года назад, когда Мухаммад-бек впервые увидел Айнур, бедную сироту, проживавшую в лачуге деда-гончара, он не знал препятствий для обладания прелестным созданием. Вольная дочь Казани, несмотря на свою бедность, не могла уподобиться участи невольницы, но для могущественного бека, не раз преступавшего закон, не существовало невозможного. Неведомыми для вельможи путями бек Тенгри-Кул возвысил дочь гончара до высот, недостойных её происхождения, и посчитал, что этим защитил Айнур от посягательств могущественного сановника.

Мухаммад-бек в раздумье поглаживал крашенную хной бородку; во многом расчёт улу-ильчи был правилен. Беку Тенгри-Кулу стоило только припасть к ногам повелителя с жалобой на управляющего тайными делами, и Сафа-Гирей не преминет воспользоваться давно ожидаемым случаем.

Мухаммад-бек был умён и чувствовал неприязнь повелителя ко всем ставленникам улу-карачи Булат-Ширина. Хан не вступал в открытую борьбу, хранил хрупкость перемирия, заключённого с казанским диваном. Но жалоба улу-ильчи на произвол ближайшего человека из свиты ширинского эмира только поможет подставить подножку оппозиции. Жертвой же, положенной на алтарь ханской интриги, мог стать он – Мухаммад-бек. Во что тогда обернётся его могущество, если в борьбе столкнутся сам повелитель и глава дивана?

Но пока Мухаммад-бек бездействовал, и Тенгри-Кул не пытался навредить вельможе. Соглядатаи управляющего тайными делами доносили господину об очередном исчезновении Айнур из Казани. Мог ли бек Тенгри-Кул знать, что никто в столице не минет вездесущего ока управляющего тайными делами. Эту женщину не могли сокрыть и воды Итиля! О, как она влекла его! Мухаммад-бек дёрнул ворот, он чувствовал, что задыхается. Лицо Айнур не исчезало из воображения, оно возникало всякий раз, такое пленительное и беззащитное. Она стала ещё прекрасней, девушка превратилась в женщину, которая влекла зрелого вельможу с силой необузданной страсти. Но он заставлял себя быть терпеливым и не совершал безрассудных поступков, шаги эти грозили опасностью, пахли опалой, зинданом, а то и смертью. И управляющий тайными делами затаился, он ждал, делал вид, что равнодушен к дому бека Тенгри-Кула и давно позабыл девчонку из Гончарной слободы. Успокоенная его без-

действием и Айнур зажила прежней жизнью. А бек всё ждал.

Столица в эти месяцы кипела страстями, сходными со страстями бека Мухаммада. Ханство – этот аппетитный гусь на золотом блюде – сделалось желанной добычей в среде высокопоставленных властителей. К Казани тянул руки турецкий султан, который желал укрепить над Северной жемужиной ореол своего господства. И послушный воле великого османа крымский хан Сагиб помогал ему. А сколько претендентов, мечтавших о власти над Казанью, таилось в сибирских и ногайских улусах. Да и касимовский ставленник московских князей Шах-Али спал и видел себя на троне казанском. Хана Сафу не покидало ощущение зыбкой почвы под ногами, и он спешил позвать к себе новых крымцев. Те устремлялись на берега Итиля с семьями и скарбом и приносили с собой лишь знатные имена и славу своих предков. Они прибывали в Казань в ожидании жирного куша, и Сафа-Гирей давал приют всем, одаривал поместьями и землями, отнятыми у казанских вельмож. Своим произволом хан лишь подталкивал нерешительных казанцев к участию в мятеже.

Столица закипала, как большой котёл, недовольства выплёскивались через край, и действия высокопоставленных вельмож не заставили себя ждать. Ханика Гаухаршад и улукарачи Булат-Ширин в пору великой опасности их благополучию отправили в Москву тайное посольство. Казанцы просили помочь в свержении гиреевского захватчика, и Русь не

заставила себя ждать. Давно уже юный великий князь, которого митрополит Макарий умело подогревал своими проповедями, готовился ринуться в битву. На западных границах княжества заключили мирный договор с Литвой, и это развязало руки московского государя. Весной 1545 года Иван IV направил войска на Казань.

В дни ожидаемых потрясений Мухаммад-беку донесли о желании улу-ильчи Тенгри-Кула спрятать своё семейство от тягот осады в вятском поместье. Вот тогда и настал долгожданный беком час. Сотник Тимур, вызванный господином, возник, словно из-под земли.

– Твоё время пришло, – только и произнёс Мухаммад-бек. А пересечённое шрамом лицо военачальника осветила мрачная улыбка. Тимур ждал этого момента, жаждал восстановить утерянное доверие бека. Дочь гончара Айнур стала как кость в его горле, из-за неудачи, связанной с ней, он не раз чувствовал на себе недовольство господина. А вот теперь ей не уйти!

Поклонившись, начальник нукеров спросил:

– Сколько взять людей?

– Тебе известно, какую охрану направил улу-ильчи. Возьми с собой вдвое больше! Не оставляй в живых никого, мне нужна только она, остальных...

Мухаммад-бек помолчал, сверля выжидающее лицо Тимура. Он словно ждал, что верный башибузук сам закончит

фразу, но сотник не осмеливался, и тогда бек произнёс с приговорным вздохом:

– В такое смутное время что угодно может случиться.

– Истинная правда, господин, – понимающе кивнул мужчина. – Урусы идут.

Выйдя за порог приёмной, Тимур расправил плечи, взгляд его вновь приобрёл жёсткость и беспощадность. Он отдал распоряжение властным голосом. Воины поспешно вывели коней, проверили вооружение, вскочили в сёдла, готовые следовать за начальником. Но Тимур остановил чиновника – доверенное лицо самого Мухаммад-бека. Мурза Кутлук всегда служил в канцелярии и не видел ни одной битвы, и сейчас лицо чиновника было в полной растерянности. Господин повелел ему тайно доставить письмо в лагерь приближавшихся урусов, а мурза, умевший показать свою доблесть на пирах и в беседах, сейчас сник, он опасался этой поездки в стан неверных. Кутлук завидел собирающихся нукеров и поспешил к сотнику Тимуру, которого знал как отважного воина.

– Мне дано поручение господина. Я должен следовать в земли черемисов навстречу войску. – Голос мурзы дрогнул, стал совсем тихим: – Мне нужно сопровождение. Вы отправляетесь в дорогу, возьмите меня с собой, юзбаши.

Тимур с презрением сощурился, уловив нотки страха в голосе Кутлука. «Господин дал важное поручение болвану, который может завалить его. Но дело господина и моё дело, возьму этого канцелярского писаку с собой. Как толь-

ко исполню повеление светлейшего бека, сопровожу мурзу». Мысли пронеслись мгновенно, воины уже ожидали в сёдлах, подвели скакуна, и ему раздумывать было некогда.

– Письмо с вами, мурза? – строго спросил сотник.

Кутлук торопливо похлопал по кожаному мешочку, висевшему на шее:

– Здесь. Со мной должна поехать охрана, но вам я доверяю больше.

– Тогда вперёд, – приказал Тимур. – Нам нужно спешить!

Мухаммад-бек услышал дробный стук копыт отряда, который умчался добывать для него желанную женщину. Он не поднялся, не выглянул вослед, а потому не увидел уехавшего с ними тайного посланника. Бек пребывал в приподнятом расположении духа, он достал запретное вино, приложился к чаше. Управляющий тайными делами ханства не мог знать, что судьба уже занесла над ним карающий меч, а это ничтожное происшествие, случившееся минуту назад во дворе, готовилось стать смертным приговором многим могущественным заговорщикам.

Глава 13

Правая рука хана Сафы оглан Кучук возвращался с крымским отрядом из Арской земли. Он был послан туда повелителем, чтобы призвать арского князя на защиту столицы от шедших урусов. Оглан Кучук был рад предстоящей битве.

Как долго его сабля дремала в ножнах, давно он не ощущал этого ни с чем несравнимого пьянящего чувства опасности, с которым летишь навстречу врагу и сшибаешься в смертной схватке. Он был рождён для битв, и интриги двора казались ему мелкими и недостойными внимания. Хан возвеличил его, возвысил до высоты, которую оглан, будучи девятым сыном крымского бея, никогда не достиг бы в Бахчисарае. И Кучук любил своего господина. Его преданное сердце, ещё вчера бесшабашное и легкомысленное, почувствовало в числе первых опасность, которая грозила Сафа-Гирею.

– Вся свора казанских вельмож ненавидит вас, – однажды с прямою воина сказал он хану. – Прикажите, мой повелитель, и я принесу их головы к вашим ногам.

Гирей усмехнулся горячности оглана, ответил спокойно:

– Доставь мне доказательство вины, а я отдам их жизни.

Кучук запомнил эти слова. С тех пор он сделался хитёр и изворотлив, пытался добиться успеха в непривычном для него деле – подслушивании, выпрашивании и подсматривании. Но казанцы были осторожны, и кроме сомнений и осязаемого воздуха измены, которую чуял начальник ханской гвардии, он ничего не мог предъявить повелителю. Нежданное наступление урусов укрепило его в виновности казанских вельмож, но доказательств не было по-прежнему.

Кучук ехал неторопливо, опустив поводья. Поручение хана было исполнено, и спешить было некуда, а в спокойной езде хорошо думалось. Дозорный десяток вдруг остановился,

вперёд смотрящий высоко вскинул руку, призывая к вниманию. Оглан привычно напрягся, сжал поводья, подтянулся, подобно большой лесной кошке. Отряд его замер, послушный знаку, а Кучук уже пролетел вперёд, осадил коня. Он приподнялся на стремянах и всмотрелся в кромку леса, за которой исчезала грязная лента дороги. Оттуда слышались явственные звуки схватки, отчаянные крики женщин, плач детей. Что бы там ни происходило, но это была возможность проявить доблесть воина. Кучук повеселел лицом, вскинул саблю, сверкнувшую на солнце:

– Алга⁵!

Отряд сорвался с места в едином порыве, они преодолели дорогу за короткие мгновения и ворвались в схватку. На поляне в беспорядке сгрудились кибитки с распахнутыми дверцами, из них выглядывали испуганные лица прислужниц, около лошадей валялись пронзённые стрелами возницы. Охрана отчаянно билась с башибузуками, которые наседали на них. Чутьё воина подсказало встать на сторону слабого, и оглан с крымцами ринулся на защиту маленького каравана. Нукеры Мухаммад-бека не ожидали внезапной подмоги оборонявшимся, они с яростью накинулись на крымцев, но тех было немало. Крымская гвардия недаром отличалась во всех битвах, и вскоре слуги могущественного сановника пали в жирную грязь осенней дороги.

Разгорячённый Кучук взглянул на женщин, выбравшихся

---

⁵ Алга (тат.) – вперед

из повозок:

– Кто такие?

Они поклонились спасителю, отвечали вразнобой, не в силах унять слёз пережитого ужаса, крымец услышал главное: гарем принадлежал улу-ильчи Тенгри-Кулу.

– Куда же вы следуете? – перебил он нескончаемые жалобы женщин.

– В имение нашего господина на реку Нократ⁶. Но что же нам теперь делать: у нас нет возниц, и охрана перебита?

Кучуку нравилось чувство превосходства, которое он испытывал при виде беспомощных хатун, цеплявшихся за его стремяна. К тому же женщины принадлежали Тенгри-Кулу, а оглан не забыл, каким отважным воином показал себя бек при Костроме, и как они вместе спасли повелителя от неминуемой гибели.

– Забирайтесь в кибитки, – приказал он. – Мои воины будут за возниц. Вам придётся вернуться в Казань. Не время в час испытаний покидать свой город и господина! Когда казанские вельможи знают, что за их спиной дом, полный жён и детей, они дерутся отчаянней.

– Взгляните, оглан. – Нукер, подъехавший к нему, передал кожаный мешочек. – Это нашли на груди одного из убитых. По виду он – не воин, гонец.

Кучук вынул свиток из мешочка, скользнул равнодушным взглядом и тут же впился в бумагу цепкими пальцами и гла-

---

⁶ Нократ – Вятка

зами. Читал и не верил: такой удачи он не знал давно. Все-вышний вознаградил его за доброе дело. Оглан избавил женщин от разбойного нападения и сразу получил то, чего тщетно искал последние месяцы, – доказательство измены казанских вельмож.

Не прошло и недели, как полки московитов сошлись под Казанью. Город встретил врага наглухо захлопнутыми воротами и тревожным ожиданием. Предупреждённый пограничными дозорами, хан повелел отрядам казаков и крымцев устроить засаду в лесу.

Великий князь Иван с высоты холма взирал на хорошо укрепленную крепость. Он ожидал лёгкой победы, считая, что заговорщики к его приходу уже совершили переворот. Но что-то не сложилось в так долго вынашиваемых планах карачи Булат-Ширина, и мятеж не совершился. Тревоги одолевали молодого князя, он украдкой поглядывал на многоопытных воевод: может, они знали, что делать в подобной обстановке. А воеводы раздавали указания, раскидывали лагерь, окружали кольцом затаившуюся Казань.

Хан Сафа-Гирей следил за вражескими полками, оцеплявшими город, со стен цитадели. Дикая ярость обуревала повелителя. Он знал: крепость готова к длительной осаде и обороне, и не так-то легко взять крепкие стены с высокими башнями и хорошо укрепленными воротами. Не это вызывало негодование хана, в большой гнев вводила мысль о пре-

дательстве казанских вельмож. Они готовы были ради достижения своей цели подвергнуть избиению целый город. А москвиты уже взялись за дело, не подступаясь к укреплениям, принялись грабить предместья и посады. Зашлись огнём слободы Кураиш, Биш-Балта. Со слезами на глазах взирали казанцы на уничтожаемые огнём дома, улицы, мечети.

– Вот она – цена предательства! – Повелитель гневно вскинул руку, указал на русских ратников. Его крымцы сплотились за спиной, стояли напряжённые, готовые ринуться на врага по первому знаку господина. Но хан приказал не им, а ждущим сигнала на башнях воинам:

– Дайте знак Кучуку, пора!

И словно разверзлись, расступились леса, выпуская наружу стремительную конницу. Всадники с бешеным улюлюканьем устремились на врага, с одной стороны казаки, а с другой крымцы. Они ловко орудовали саблями и кривыми ятаганами, врезались в нестройные ряды урусов. Не ожидавшие сопротивления москвиты побросали добычу и устремились в лагерь к поспешно сооружённым укреплениям. Казанская конница отступила и исчезла так же внезапно, как налетела. Нахмурившись, смотрел великий князь Иван на трупы своих ратников, это были первые жертвы бескровной победы, которую обещали ему сладкоречивые послы ханики Гаухаршад и улу-карачи Булата. И были они не последними. Ещё несколько дней в ожидании стояли полки под Казанью. Великий князь надеялся на войско из Перми, но оно всё не по-

являлось. А казанская конница не давала покоя ратям, она терзала их по несколько раз на дню, вырывала людей клоками из русского стана. Московиты огрызались пищальной стрельбой, выскакивали вослед, но всадники растворялись в лесах, известных им до последнего пня, и хоронились там подобно лешим, незримые, защищаемые духами родной земли. Не дождавшись ни пермского полка, ни распахнутых ворот сдающегося города, Иван IV скомандовал отступление. Войска переправились через Свиягу и отправились в обратный путь. Казанцы же вдоволь потешились, когда под стены столицы явился запоздавший полк из Перми. Ни одному воитю не удалось уйти в тот день из смертельной сечи.

Глава 14

Но гибельный поток лишь начинал набирать силу, он наполнялся кровью новых жертв. К трону казанского повелителя бросили управляющего тайными делами бека Мухаммада. Царедворец был обвинён в измене и соглядатайстве в пользу неверных. Уличающее сановника письмо предоставил Сафа-Гирею торжествующий оглан Кучук. За словами белого свитка укрывалась измена куда более глубокая, и хан повелел узнать, кто ещё был замешан в заговоре. Мухаммад-бека заключили в зиндан, где его ожидали пытки. За вельможу из ближнего круга поспешил вступиться сам улукарачи. С отважностью барса, защищавшего своё логово, Бу-

лат-Ширин требовал, чтобы бек предстал перед шариатским судом. Сафа-Гирей знал: стоило выпустить Мухаммада из рук, и казанские крючкотворы найдут ему оправдание. Ширинскому эмиру было отказано в его ходатайстве, и тогда улу-карачи отдал тайное указание. Палачам повелителя не довелось испытать своё мастерство на вельможе, чьё могущество и власть ещё недавно заставляли склонять перед ним головы. Поутру бывшего управляющего тайными делами нашли бездыханным в тюремной келье.

– Слабое сердце не выдержало позора несправедливых обвинений, – со вздохом подытожил смерть Мухаммад-бека улу-карачи Булат-Ширин.

Но все старания главы казанского дивана спрятать нити заговора оказались напрасными. Кучук уже вышел на след других вельмож, которые участвовали в интригах ширинского господина. Под жестокими пытками неосторожное слово вырвалось у одного, другого... Вслед за тем повелителю представили весь список заговорщиков, возглавляемый Булат-Ширином и ханикой Гаухаршад.

Террор начался в тот же день. По приказу Сафа-Гирея воины крымской гвардии врываются в дома именитых казанских вельмож, тащили их на расправу. Столица заполнилась криками и неумолчным плачем. Простой люд боялся выглянуть из своих домов, столкнуться со свирепыми всадниками. Зиндан переполнился. Мрачные закутки тюремных келий почтили своим высоким присутствием Булат-Ширин,

Ахмет-Аргын и многие недоступные ранее сановники ханского двора. Не было в зиндане лишь Гаухаршад, но не из-за опасения Сафа-Гирея замахнуться на женщину ханского рода. Знатная царевна исчезла из столицы и самого ханства, словно испарилась, ибо по приказу разгневанного повелителя её искали во всех даругах и даже малых аулах. Никто не ведал, где укрылась она – легендарная дочь Ибрагима и Нурсолтан. Только тёмные воды озера Кабан хранили свою тайну...

В ночь, когда по городу разлилась волна арестов, ханика приказала спустить на воду небольшой чёлн. Она бежала не обычным путём, не через городские ворота, в которых заговорщиков поджидали крымцы, а водой, по Булаку к озеру Кабан. На берегу озера в памятной ей землянке, в которой она когда-то укрывалась с любимым Турыишем, ожидал ханику последний фаворит – один из верных огланов. Укрытые от любопытных глаз быстрые лошади и охрана готовились следовать за предусмотрительной госпожой в Ногайские степи.

На Булаке в час побега разгулялся ветер, и Гаухаршад плотней укуталась в тёплое покрывало. Мрачно взирала она на тёмные воды протоки. Вместительное судно легко скользило по Булаку, за порывами осеннего вихря ни одна ханская ищейка не слышала плеска вёсел. Женщина безмолвно наблюдала, как крепкие руки невольников легко управлялись

с ходом лодки, её глаза с равнодушием скользили по лицам мужчин. Они старались угодить высокой госпоже, не догадывались, что вскоре должны были умереть. Ханика умела замечать следы, и свидетелей её бегства не следовало оставлять в живых. Женщина погладила прижатый к боку сундук, в нём была часть её казны, которая должна была обеспечить достойное существование ханской дочери на чужбине. И когда-нибудь эти монеты и драгоценности помогут ей с триумфом вернуться в Казань. Здесь была лишь часть её несметной казны, в ханстве оставались принадлежавшие ей дворцы и имения, то, что она не могла унести с собой.

Гаухаршад затихла, прислушиваясь. Ветер сделался ещё злей, и с каждым новым порывом он всё крепчал. Невольники, опасаясь быть замеченными, не зажигали факелов, но держали их наготове. Чёлн, борясь с ветром, неуклюже входил в Кабан. Косая волна сильно потрянула его, и ханика невольно вскрикнула. Зачерпнутая бортом вода замочила ноги. Стиснув зубы, госпожа ещё сильнее ухватилась за сундук, молила о быстром достижении берега. Но земли не было видно, кремешная тьма сомкнулась ещё больше, когда пошёл дождь. Над озером зрела буря. Пожилой надсмотрщик с тревогой вглядывался во тьму, торопил невольников. Те, дружно ухая, изо всех сил нажимали на вёсла, но их усилия были напрасны. Желанные берега не появлялись, и судно, казалось, кружилось на одном месте. С трудом зажгли факел, принялись махать им, кричать, но никто не отзывал-

ся, только ветер гудел, и волны со свистом накидывались на борта лодки и резким всплеском опрокидывались навзничь. Ханику пронизывала дрожь, одежда промокла, и холод сковывал тело. Она с надеждой оглядывалась по сторонам, высматривала огонёк на дальнем берегу. Но тёмная водяная масса дыбилась перед глазами, как табун взбесившихся жеребцов, и не мелькал спасительный огонь, а надежда покидала обессилевших людей. У одного из невольников унесло весло, другой принялся громко молиться на чужом языке. Надсмотрщик бросил плеть, он указывал на бушующие воды и хрипел, теряя голос:

– Аждаха! Это мечь Аждахи. Великий Змей требует жертвы.

– Глупец! – вскричала Гаухаршад. – Кто верит в выдуманные для детей сказки? Если не заставишь рабов взяться за вёсла, пойдёшь первым кормить рыб!

Но обезумевший от страха надсмотрщик не слышал её. Ханика попыталась сама приказать невольникам, но на неё взглянули с такой яростью, что впервые госпожа отступилась. Она затихла, веря, что волны рано или поздно вынесут их на берег, или рассеется тьма, и придёт рассвет, который укажет дорогу. Гаухаршад думала об этом неустанно и не заметила большую волну, пришедшую со шквальным порывом ветра. Волна, как щепку, вознесла судно и сразу низвергла вниз. Лодка перевернулась мгновенно и накрыла собой людей. Холодная осенняя вода объяла барахтающиеся

тела. Люди ещё пытались ухватиться за скользкие бока перевернутого чёлна, но его вырвало из мечущихся рук и унесло прочь.

Когда тёмная глубина потянула за собой Гаухаршад, она не поверила тому, что это происходит с ней – могущественной и неуязвимой. Судьба всегда хранила её, она помогала спастись от чужой зависти, последствий глупостей и неосторожностей. Дочь великого хана с рождения пребывала на недостигаемой высоте и вот теперь погибала так глупо рядом с ничтожными невольниками, не стоившими даже перстня на её пальце. Она гневно закричала, бросая последний вызов судьбе или самому Всевышнему, но охрипший рот лишь хватил ледяной воды, а крик потонул в рёве волн. Силы закончились, но женщина всё не сдавалась, барахталась и выбиралась из очередной волны. Голова ханики Гаухаршад скрылась под водой самой последней. Сильные, крепкие невольники, не имевшие и половины железной воли своей госпожи, исчезли раньше. Она пошла ко дну, не ощущая ни холода, ни страха, блаженное тепло вдруг охватило её, и свет прорезал тьму. Чьё-то лицо склонилось над ней. То был Турыиш, она узнала его улыбку, глаза мужчины, которого любила по-настоящему. «Не бойся, – прошептал он, – идём со мной...»

Перевернутую лодку всю ночь носило по волнам и прибило к берегу ранним утром. Рыбаки видели, как среди камышей бродили воины, они пытались отыскать выкинутые водой тела, но так ничего и не нашли. А местные жители с

некоторых пор стали уверять, что в бурю расступаются волны Кабана, и на берег выходит царевна, требующая в жертву мальчика. А вскоре эти рассказы превратились в ещё одну легенду...

В тот час, когда воды Кабана поглотили ханскую дочь, эмир Булат-Ширин не ведал о том и завидовал судьбе Гаухаршад. Он смотрел на прохудившееся ночное небо, едва видимое в узком оконце его темницы, и думал о своей жизни. Он прошёл длинный путь первого вельможи, который добился наивысшего почитания, несметных богатств и немереной власти. Многие улу-карачи познал в этой жизни, все склонялись перед ним, даже ханы не осмеливались перечить. Теперь смерть караулила его в тоскливом вое ветра. В шуме дождя, хлеставшего по каменной мостовой, он слышал шелест крыльев Джабраила. Булат-Ширин знал: смерть придёт завтра, и мало кто из заговорщиков уцелеет. Спаслась лишь она – хитроумная ханика Гаухаршад. Булат-Ширин усмехнулся, тяжело опустился на грубо сколоченную лежанку. «Ох, Гаухаршад! Так и не довелось в этом мире быть нам вместе. А случись это – не было бы силы могущественней нашей! Вот и сейчас ты спаслась, мчишься в Ногаи или тюменские степи. Вспоминаешь ли обо мне, узнике, доживающем свои последние часы?» Ширинский эмир не заметил, как заснул, накрывшись плащом, но холод вскоре разбудил его. И он, владелец бесчётных богатств, принялся зябко кутаться в грязное сукно и мечтать о кучке хвороста и маленьком костерке

на сыром каменном полу кельи.

Глава 15

Казни шли в столице несколько дней. На главной площади города бесславно расстались с жизнью великий Булат-Ширин, карачи Ахмет-Аргын, Солтан-бек и многие другие знатнейшие люди ханства. Глашатаи во всех уголках Казанской земли зычно оповещали о вине казнённых, перечисляли имена изменников, которые позвали врага на родную землю. Люди верили и не верили, испуганные расходились по домам. Они запирались на крепкие замки, в тишине молились Аллаху и просили у него помощи и заступничества. Нашлись среди больших казанских людей непричастные к заговору, которые в испуге бросили свои поместья и дворцы и устремились кто в Москву, а кто в Ногаи и Хаджитархан. Но даже в тяжёлые времена террора остались те, кто не желал сдаваться. Заговорщики истекали кровью, лишились предводителей, но, притаившись, выжили. Они уподобились раненым зверям, укрывшимся от жестокого охотника в дёбрах лесов и непроходимых топей. И в своём тайном логовище мятежники получили второе дыхание. Многие казанцы, прежде преданные хану Сафе, стали переходить на сторону оппозиции, затевать очередную смуту. Они видели, как повелитель раздавал крымцам владения казнённых эмиров. Те, кто явился из Крыма, ничего не имея за душой, теперь сели-

лись во дворцах. Они обосновывались в богатых поместьях, по-хозяйски входили в гаремы казнённых беков и огланов, распоряжались их правами и богатствами. Казанские царедворцы роптали, а хан не желал замечать, как необдуманными действиями наживал врагов среди вчерашних верноподанных.

Во главе нового заговора встал сеид Беюрган, эмиры Кадыш и Чура-Нарык. Ближе к концу лета они послали в Москву гонца. Оппозиция не знала иного пути, она вновь просила московского правителя прислать к Казани русские войска. Но Ивану IV хорошо помнился недавний неудавшийся поход, и великий князь потребовал от казанцев самим свергнуть неугодного хана и содержать его под стражей до прихода московских полков. Заговорщики принялись копить силы для решающих действий, и в этот раз главную роль в перевороте вельможи отводили народу. Простых людей подбивали на открытый бунт против правящего хана. Вскоре нашлась и причина для подстрекательства: Сафа-Гирей, которому требовалось вновь пополнить казну для вознаграждения крымцев, взвинтил налоги.

В эти беспокойные дни Сююмбика-ханум получила упреждающее письмо от отца. Беклярибек Юсуф призывал дочь воздействовать на безрассудного супруга, просил открыть глаза на его непростительные ошибки, которые со временем могли стать роковыми. Сююмбика читала письмо, и невесёлые мысли теснились в голове. Ей давно не нравилось, как

Сафа-Гирей правит в Казани, тонкая женская интуиция подсказывала – недалеко до беды! Поэт Мухаммадьяр, особо любимый простым народом, предчувствовал скорую бурю, он, словно оракул, предсказывал в эти дни:

Неверие не разрушит государства,
А от гнёта развалится страна.
Неверие и неверующий
лишь себе вредят,
А гнёт делает невыносимым
положение страны.

Этот поспешно написанный стих Мухаммадьяр прислал казанской госпоже, она перечитывала его вновь и вновь, и наполнялась холодом грудь. «Он играет с огнём, – думала Сююмбика. – Сафа стал так безрассуден. О, Всевышний, в силах ли ты вразумить его?!»

Она не знала, как остановить мужа. Ханум пыталась заступиться за семьи казнённых вельмож, но Гирей, подобно почувшему кровь волку, не желал выпускать добычу. Впервые они серьёзно поссорились, это были не мелкие охлаждения и размолвки былых времён, супруги разошлись во взглядах, и повелитель в сердцах отчитал свою ханум:

– Женщине не пристало соваться в мужские дела. Когда жена лезет в политику, она забывает о своих прямых обязанностях, о том, как ублажить господина и продлить его род!

Сююмбика почувствовала, как от беспощадных слов пре-

секлось дыхание:

– Вы хотите сказать, что государственные дела лишили меня способности иметь детей?

– Это всё мудрствования, моя дорогая, с этим ты можешь разбираться до бесконечности с любимыми писаками. Но знай, женщины, с учёным видом рассуждающие о благах государства, навевают на меня тоску!

Она пересилила обиду, сделала последнюю попытку объясниться:

– Повелитель, вы поступаете неосторожно, скоро от вас отвернутся все, даже духовенство! Вашим именем начинают пугать детей, а крымцев ненавидят все. Остановитесь, Сафа, пока не поздно!

Лицо Гирея покрылось красными пятнами, казалось, он едва сдерживался, чтобы не поднять руку на жену. Хан справился с собой, но ярость требовала выхода. Он грубо ухватил Сююмбика за руку и подтолкнул её к распахнутому окну:

– Смотри! Видишь, там отряд моих крымцев, которых все так ненавидят? А они день и ночь охраняют мой дворец, меня и вас – моих жён! – Он перевёл дыхание, стараясь говорить спокойней: – Как думаешь, прекрасная ханум, что было бы с тобой, если бы удался заговор сиятельного карачи Булат-Ширина? Ты бы осталась вдовой, а может, над тобой потешились бы урусы. Ты этого хотела?!

Сююмбика спрятала лицо в ладонях, отчаяние овладело женщиной. Впервые она поняла, что разговаривает с мужем

на разных языках, ему никогда не понять её стремлений, а ей его! Она тоже, как и Сафа-Гирей, ненавидела москвитов, которые вмешивались в судьбу дорогого ей народа. Но она не считала, что правильный выход из положения тот, который избрал повелитель.

«Он всего лишь крымец! – горестно подумала она. – Он один из них, и в этом всё дело! Сафа никогда не предаст их, он лучше уничтожит всех казанцев и подведёт ханство под руку турецкого султана. Прав ли мой муж, знает лишь Всевышний. О Аллах! Вразуми нас, несчастных, направь на путь истины!»

Сююмбика опустила руки, на бледном лице не было ни слезинки. Гирей с удивлением наблюдал за ней: «Что за женщина! Любая другая обливалась бы слезами или умирала от страха. А эта смотрит, как каменная, нет слёз в её глазах, но нет и тепла».

– Как вам угодно, господин, должно быть, вы знаете, что делаете.

Он хотел её задержать, но не успел: Сююмбика выскользнула из дверей. Наступившей ночью он послал за ней евнуха, но гаремный слуга вернулся назад один. Ханум передавала, что она больна и не в силах исполнять супружеские обязанности. Сафа-Гирей понял: Сююмбика сердится, и решил не трогать её, пока не утихомирится буря, пронёсшаяся над семейным кораблём. В эту ночь и в последующие повелитель утешался в объятиях наложниц. А Сююмбика чувствовала

порой, что их большая любовь терпит крах, как терпело поражение правление Сафа-Гирея.

Наступила зима. Она не принесла мира в напряжённые отношения между казанцами и ханом. Вскоре донеслись тревожные вести с русских границ: великий московский князь прибыл во Владимир и начал собирать полки. Повелитель насторожился, он ощутил новую опасность, грозящую со стороны Москвы, и разослал по всей Казанской земле гонцов с приказом бекам, мурзам и огланам явиться в столицу для её обороны. Но к городу прибыли лишь отряды приверженцев крымского правления. Оппозиция воспрянула духом, и в месяце зуль-каада 952 года хиджры⁷ назрело то, чего больше всего опасалась Сююмбика-ханум.

Глава 16

В этот день на базарных площадях мурзы, беки и огланы из стана заговорщиков собирали народ. Перед толпой они выступали с пламенными, зажигающими речами:

– Слушайте, казанцы! И не говорите, что вы не слышали! Хан Сафа-Гирей превысил власть перед Аллахом и людьми! В гордыне своей он возвысился над всеми казанцами, приблизил к себе чужаков-крымцев!

– Скольких знатнейших людей – гордость нашей земли,

---

⁷ Зуль-каада 952 год хиджры – январь 1546 года.

предал он позорной смерти? А сколько уделов роздал крымцам?

– Как долго будет дозволено им грабить народ, копить казну и отсылать её в Крым?!

Гневные слова падали в благодатную почву. Толпа всё увеличивалась, волнение нарастало, уже слышались отдельные выкрики с призывами идти на ханский дворец. На улице стоял сильный мороз, обычный для этого времени года, но люди ничего не чувствовали. Мужчины слушали выступающих, сжимали крепкие кулаки и яростью загорались глаза. А из Соборной мечети, покинув молитвенный приют, двинулась процессия во главе с сеидом Беюрганом. Сеида сопровождали благочестивые шейхи, муллы и имамы. Впереди процессии в фанатичном танце кружили дервиши. Они, как крылья, раскидывали полы своих дорожных плащей и взмахивали массивными посохами – извечными спутниками в долгих дорогах. Суровы были лица аскетичных монахов, зычны крики мощных глоток:

– Слушайте, слушайте все!

– Собирайтесь на базарной площади!

– Идёт сам сеид!

– Всевышний будет говорить устами сеида!

Люди, послушные призывам дервишей, выходили из своих домов, устремлялись к базарной площади. Огромная толпа расступилась, пропуская служителей Аллаха. Сеид Беюрган взобрался на возвышение, воздел узловатые старческие

руки к небесам:

– О правоверные! Тяжёлые времена пришли на нашу благословенную землю. Гяуры топчут наши поля, жгут дома и убивают правоверных. Но страшней гяуров появился враг у Казанской земли: крымский выродок коварной змеёй вполз в ханский дворец и управляет нами! О правоверные! Пусть ваши глаза увидят, а уши услышат! Он с нами одной веры, но он хуже гяура нечестивого. Крымец затягивает петлю на шею нашего народа и смеётся, глядя на его мучения. О правоверные! Не прощайте своих обид и оскорблений, не прощайте потоков крови благородных мужей, пролитых злодеем! Не прощайте слёз жён и детей мученически казнённых карачи!

Толпа кричала, потрясала кулаками, некоторые плакали. Над головами людей плетью взвился пронзительный крик:

– Веди нас, благочестивый сеид! Изгоним злодеев-крымцев с нашей земли! Долой хана Сафу!

– Лягыйн!!!⁸

Вмиг всё переменилось. Со всех сторон нукеры мятежных беков несли охапками сабли и ятаганы, самые нетерпеливые вырывали крепкие колья из изгородей. По кривым улочкам с визгом пронеслись всадники. Все бросились к цитадели.

Повелитель, которому доложили о беспорядках в столице, не сидел сложа руки. Крымская гвардия, вооружённая до зубов, перекрыла ворота, ведущие на Ханский двор. Закрывать

---

⁸ Лягыйн – слово, выражавшее наивысшую степень презрения, своего рода проклятие.

ворота крепости не было никакого смысла: дома и дворцы мятежных эмиров на Кремлёвском холме кишели казаками и повстанцами.

Сафа-Гирей в кольчуге и полном боевом вооружении вскочил на подведённого скакуна. Конь горячился, из его ноздрей струился пар, ложился серебристой изморозью на роскошную гриву. Оглан Кучук командовал крымской гвардией, по его приказу распахнули ворота. По снежному насту заскользил десяток крытых кожей кошёв с жёнами, детьми и наложницами хана. Обоз под охраной ногайцев Сююмбеки-ханум спешил покинуть взбунтовавшийся город. В одном из возков откинулся кожаный полог, в проёме мелькнуло бледное лицо Сююмбеки, старшая ханум с укором взглянула на высокородного супруга. У Сафа-Гирея неприятно заскребло на сердце: «А ведь она предупреждала, Сююм всё заранее предвидела...» Но разумные мысли залил ничем не сдерживаемый гнев: «Как они смеют?! Как посмели чёрное быдло и их трусливые вожаки, прячущиеся за спину простолюдинов, заставляя меня, потомка великого рода, во второй раз покинуть Казань? Никогда! Никогда я не оставлю этот город! Всех уничтожу, всё залью кровью непокорных! Здесь надолго запомнят руку настоящего хана!»

Подскакал Кучук, склонив голову, доложил:

– Повелитель, они идут!..

Бесконечной казалась зимняя дорога, бескрайние белые

поля расстилались до самого горизонта. Кое-где зубчатой стеной вставал заснеженный лес. Мороз охватывал тела и души беглецов, и в ледяном безмолвии слышались скрип полозьев, храп лошадей да редкие вскрики возниц. Изгнанный хан в угрюмом молчании возглавлял караван со своим гаремом. Здесь было всё, что осталось у Сафа-Гирея от его огромного богатства. Да что богатство, он потерял преданных людей. В страшной жестокой сечи, которая продолжалась до самой ночи, полегла на улицах Казани ханская гвардия – его гордость. Самого повелителя чудом спас Кучук, и под покровом ночной темноты вывел господина к подземному ходу. Следом выбрались два десятка нукеров. Некоторых из них – израненных и обессиленных, приютили в приграничном ауле Ия. Теперь осталась позади покрытая льдом речушка Кинельчеку, отсюда начинались ногайские улусы, их необъятная степь.

Тронув поводья коня, Сююмбика подъехала к мужу. Заботливым взглядом он скользнул по укутанному в меховой башлык⁹ женскому лицу:

– Замёрзла?

Ханум покачала головой:

– Не забывайте, мой господин, я выросла в этих местах и привычна не к таким морозам.

– Да, я помню, – рассеянно отвечал Сафа-Гирей. Голос его стал мечтательным и глухим, словно и не было его здесь. –

---

⁹ Башлык – вид съёмного капюшона.

А в Крыму сейчас всё по-другому. Идут дожди, ветер с моря холодный, но не такой, как здесь. О, Крым, благословенная земля!

Сююмбика рассердилась, откинула с лица башлык, открылись гневно сверкающие глаза и крепко сжатые губы:

– Если бы вы, мой муж, поменьше думали и мечтали о Крыме и своих крымцах, не постигло бы нас это несчастье! И не брели бы мы, как нищие скитальцы, в поисках приюта у моего отца!

Сафа-Гирей вздёрнул голову, стальной блеск отразился в красивых серых глазах:

– Не первый раз забываешься, Сююмбика! А должна помнить, что ты всего лишь женщина, а я твой господин!

– Может быть, вы и господин, – со спокойной холодностью отвечала ханум, и только подрагивающие на поводьях руки указывали, чего ей стоило это внешнее спокойствие. – Только хан без юрта всё равно, что джигит без коня!

Сафа-Гирей дико вскрикнул, взмахнул над головой камчой, словно сабли, скрестились два взгляда – его и её. Мужчина стеганул хлёсткой плетью по бокам скакуна, жеребец взвился на дыбы, звонко и обиженно заржал. Хан осадил его, рванул поводья и помчался в хвост обоза, туда, где в сёдлах, мерно покачиваясь, ехали крымские сподвижники. Сафа-Гирей развернулся на ходу, крикнул властно:

– За мной! Едем в Хаджитархан!

Вскинулись крымцы, пошли в ход нагайки, с криком и

улюлюканьем рванули воины за своим ханом. Снежная буря, поднявшаяся под копытами бешено скачущих коней, осыпала белой порошей кошёвы и людей, остающихся на дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.